

Сажина С. А.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЯЗЫКА КИРОВСКИХ ПЕРМЯКОВ

В диалектном пространстве коми языка особое место занимает говор кировских пермяков, формирование которого происходило в условиях изолированности от основного ареала распространения коми диалектов и сильного воздействия окружающих русских говоров. Актуальным вопросом коми диалектологии является выявление основы и места данной территориально-языковой разновидности в диалектном континууме коми языка. Рассмотрены фонетические и морфологические маркеры языка кировских пермяков, анализ и сопоставление с языковыми чертами территориально близких зырянских и пермяцких диалектов которых имеет большое значение для решения данной проблемы. Исследование основано на материалах, собранных автором в ходе нескольких экспедиций в район проживания кировских пермяков в период 2002–2012 гг.

Ключевые слова: коми язык, коми-пермяцкий язык, кировские пермяки, фонетика, морфология, лингвистические маркеры.

«Язык кировских пермяков» – условный термин, используемый нами для обозначения языка небольшой этнической группы коми народа¹, проживающей в верховьях Камы, в нескольких населенных пунктах Афанасьевского района Кировской области. Согласно общепринятой классификации, это верхнекамское наречие коми-пермяцкого языка (Баталова, 1975: 211). Данная территориальная разновидность коми языка не являлась объектом специального синхронного научного исследования. Некоторые его особенности кратко отражены в статье Г. А. Нечаева (Нечаев, 1930: 1–21), обобщающем труде по коми-пермяцкой диалектологии Р. М. Баталовой (Баталова, 1975: 221–223), научных статьях Е. Н. Федосеевой (см. работы Е. Н. Федосеевой) и автора настоящей статьи (см. работы С. А. Сажиной).

Будучи изолированным от основного ареала коми диалектов, язык кировских пермяков испытывал и продолжает испытывать сильное влияние русского языка. В настоящее время носителями рассматриваемого идиома являются немногочисленные представители старшего и пожилого возраста. По данным специального опроса о владении коми-пермяцким языком, проведенного в 2007 г. Афанасьевским отделом культуры во всех населенных пунктах района, их численность составляет около одной тысячи человек. Все они являются билингвами, свободно владеющими русским языком и использующими его как основной язык повседневного общения. Родной язык используется исключительно в быту. Анализ возрастного состава представителей исследуемого наречия свидетельствует о том, что передача родного языка в семье была окончательно прервана примерно во второй половине XX в. (60–70-х гг.). Таким образом, в ситуации языкового сдвига изучение языка кировских пермяков приобретает особую актуальность. Документирование, синхронное описание данной территориальной разновидности коми языка являются насущными задачами современной коми диалектологии. Выявление основных маркирующих признаков, их всесторонний и глубокий анализ позволят сделать более надежные выводы о происхождении и месте данного идиома в диалектной системе коми языка.

¹ В научной литературе для обозначения рассматриваемой этнической группы коми народа используются различные экзонимы: зюздинские коми-пермяки / пермяки, зюздинские коми, кировские коми-пермяки / пермяки, коми-зюздинцы, верхнекамские коми, верхнекамские коми-пермяки. Этноним «зюздинские» связан с топонимом *Зюздино*, восходящим к *Сюзь-дін* 'место в устье реки Сюзьвы'. *Зюздино* – составная часть названий населенных пунктов Зюздинского края: Зюздино-Афанасьевское (совр. Афанасьево), Зюздино-Воскресенское (совр. Бисерово), Зюздино-Георгиевское (совр. Георгиево), Зюздино-Христорождественское (совр. Савинцы) и т. д. Топоним был изъят из обращения в 1963 г. с переименованием с. Зюздино-Афанасьевского в с. Афанасьево и Зюздинского района в Афанасьевский район.

Проблема возникновения и развития верхнекамского наречия непосредственным образом связана с вопросом истории его носителей, с процессом формирования этнической группы кировских пермяков. К сожалению, ее этногенез до сих пор остается малоисследованным. Очевиден лишь поздний этап развития данной этнической группы, заключавшийся в обособлении от основного этнического массива и тесном взаимодействии с русскими, языковые контакты с которыми в исследуемом регионе восходят к середине XVI в. и продолжают уже более четырех с половиной веков.

К формированию своеобразной этнической группы, говорящей на особом «зюздинском или верхокамском» наречии коми-пермяцкого языка, по мнению археологов, привела изолированность Верхокамского региона от основной территории ломоватово-родановских племен (Голдина, Кананин, 1989: 108). В то же время, отмечают ученые, отпечаток на материальную культуру населения Верхокамья оказало нахождение данного региона на стыке нескольких родственных финно-угорских культур, в значительной степени синхронных по времени (ломоватовская на Каме, ванвиздинская на Вычегде и полонская на Чепце, а затем и сложившиеся на их базе соответственно родановская, вымская и чепецкая) (Голдина, Кананин, 1989: 9).

Согласно соматологическому исследованию Н. Н. Чебоксарова, зюздинские пермяки представляют собой особую группу коми населения и в антропологическом отношении (Чебоксаров, 1946: 51). Антропологический тип зюздинских коми, названный исследователем вятско-камским, характерен также для большинства удмуртов и ветлужских мари, части волжских татар, русского населения восточных районов Кировской области. Вятско-камский комплекс в несколько сглаженном виде входит и в состав коми, населяющих бассейны Сысолы, Лузы, Летки, верхней Вычегды, Косы и Иньвы. Распространение вятско-камского элемента среди летских, прилузских и сысольских коми, по мнению исследователя, указывает на то, что между Верхокамьем и южной частью современной Республики Коми существовала не только этнокультурная, но и антропологическая связь (Чебоксаров, 1946: 54, 65).

Исторические документы, а именно Жалованная грамота Ивана III и Описание 1481 г., свидетельствуют о том, что в административном отношении Верхняя Кама до 1568 г. относилась к Перми Вычегодской, входила в состав Ужгинской волости и составляла единое целое с Верхней Сысолой (территорией распространения одного из современных зырянских диалектов – верхнесысольского). Включение верховьев Сысолы и Камы в одну волость, по мнению Л. Н. Жеребцова, позволяет говорить о былом этническом и языковом единстве обитавшего там населения (Жеребцов, 1982: 41–43). С отписанием в 1568 г. Зюздинского края к Перми Великой и заселением русскоязычным населением территории между верховьями Сысолы и Камы произошло постепенное разделение единого племени ужговских сирян на две группы (современные верхнесысольцы и зюздинцы) (Жеребцов, 1982: 41). По мнению историков, чрезвычайно важную роль в формировании зюздинских коми сыграли и переселения коми-зырян (в первую очередь сысольских и лузских коми) (Жеребцов, 1982: 98; Жеребцов, 2005: 219; Лашук, 1972: 129).

О чем говорят языковые особенности исследуемого идиома? По ряду фонетических, морфологических и лексических признаков язык кировских пермяков сближается с южными зырянскими (верхнесысольским, среднесысольским, лузско-летским) и коми-пермяцкими диалектами и в научной литературе по коми языку характеризуется как переходный говор (Баталова, 1975: 208). Территориальная близость к пермяцким диалектам послужила основанием для отнесения верхнекамского наречия к коми-пермяцкому диалектному ареалу.

На основе эмпирического материала, собранного нами в ходе четырех диалектологических экспедиций в период 2002–2012 гг. в район проживания кировских пермяков, произведен анализ языковых особенностей исследуемого идиома и выделены его основные определяющие признаки.

I. Фонетические особенности, маркирующие верхнекамское наречие коми-пермяцкого языка

В области вокализма:

1. Значительное место в наречии занимают ассимилятивные явления в области гласных, их выравнивание в слове по ряду и подъему:

1) полное выравнивание: а) в корневой морфеме: *örö`ш* ‘квас’ < *ырöш*, *öbö`с* ‘дверь’ < *ыböс*, *вэ`рэс сайö мунны* ‘выйти замуж’ < *вэрöс*, *мужу`к* ‘муж’ < *мужик*, *ла`ас* ‘будет’ < *лоас*, *мал`а* ‘почему’ < *мыл`а*, *паза`н* ‘стол’ < *пызан*, *кыны`м* ‘живот’ < *кынöм*, *тулус* ‘весна’ < *тулыс*; *карс`а* ‘веник’ < *корс`а*; б) в суффиксальной морфеме: *му`нöнö* ‘идут’ < *мунöны*; в) на стыке морфем: *т`эркаа* ‘в дом’ < *т`эркаö*, *краскаан* ‘краской’ < *краскаöн*;

2) частичное выравнивание: а) выравнивание по ряду: *ичэ`т`ик* ‘маленький’ < *ичöt`ик* (но *ичöt*); *мичэн`ичэк* ‘красивенький’ < *мичан`ик*; *туи`н* ‘пест’ < *тоин*; *л`о`мпу* ‘черемуха’ < *л`öмпу* (но *л`öм* ‘ягоды черемухи’), *шöс`* *гожу`мов* ‘шесть лет’, но *гожö`м* ‘лето’; *мо`йму* ‘в прошлом году’ < *мöйму*, *мо`длун* ‘послезавтра’ < *мöдлун*; б) выравнивание по подъему: *а`бы* ‘нет’ < *абу*.

Чаще всего ассимиляции подвергаются безударные гласные в предударной или заударной позициях (*örö`ш*, *öbö`с*, *му`нöнö*); ассимилироваться могут также гласные, находящиеся под ударением (*л`о`мпу*, *мужу`к*). В ряде примеров (таких как *мужу`к*, *л`о`мпу*, *ту`лус*, *модлун*, *турумол`*) наблюдаем лабиальную ассимиляцию (как прогрессивную, так и регрессивную). Ассимилятивные явления в области гласных в различной мере характерны также для всех коми-пермяцких и некоторых коми-зырянских диалектов (Баталова, 1982: 31–35).

2. В исследуемом наречии не происходит процесс перехода *ы* в *и* перед и после мягкого согласного *с`*: *пö`рыс`* (ср. кп. *пö`рис`* ‘старый’), *мыс`ка`лны* (ср. кп. *мис`ка`лны* ‘мыть’), *т`эпы`с`* (ср. кп. *т`эпи`с`* ‘рукавицы’), *н`а`н`с`ыс* (ср. кп. *н`а`н`с`ис* ‘из хлеба-то’) и др. Переход *ы* в *и* не наблюдается также в южных зырянских, ижемском и вымском диалектах.

Переход *ы* в *и* не наблюдается и в словах типа вк. *выл`* (ср. кз. тж., кп. *вил`*), вк. *пыз`* (ср. кз. тж., кп. *пиз`*), вк. *вий* (ср. кз. тж., кп. *вий*) и др.

3. Анлаутному *в* вторичного происхождения, возникшему в большинстве коми-зырянских диалектов из общепермского неслогового *ү* (Лыткин, 1957: 112), в верхнекамском наречии, как правило, соответствует *о*: *о`рсны* ‘играть’, *оро`п* ‘рукоятка, черенок’, *ой* ‘ночь’ (ср. кп. *о`рсны*, *оро`п*, *ой*; кз. *ворсны*, *вороп*, *вой*; вс. *öрсны*, *öрöп*, *öй*). Этой звуковой закономерности не подчиняется произношение слов *войдо`рлун* ‘позавчера’, *войдо`рö* ‘в прошлом году’. Зафиксированы и единичные случаи произношения слова *вой* с начальным *в*.

Начальному *в* большинства коми-зырянских диалектов, развившемуся перед анлаутным закрытым *ö* (Лыткин, 1957: 114), в верхнекамском наречии соответствует *о*: *оштыны* ‘потерять’, *ом* ‘рот’ (ср. кз. *воштыны*, *вом*; уд. *вöштыны*, *вöм*; вс. *öштыны*, *öм*; кп. *öштыны*, *öм*).

В области консонантизма:

1. Наречие относится к эловому говору: характеризуется сохранением этимологического *л* во всех позициях: 1) в анлауте: *лы`с`тыны* ‘доить’, *лым* ‘снег’; 2) в инлауте: *тöлö`дны* ‘выветривать, проветривать’ *ту`лыс* ‘весна’, *с`эра`лны* ‘смеяться’; 3) в ауслауте: *тул* ‘втулка’, *йöл* ‘молоко’, *эг`а`дздзыл* ‘не видел(а).

2. В исследуемом наречии, как и в коми-зырянских диалектах, в ауслауте суффиксальной морфемы употребляется звонкий согласный *д*: *пэ`мыд* ‘темный, темно’, *вö`сныд* ‘тонкий’, *ко`кн`ыд* ‘легкий’, *пукс`ö`дны* ‘посадить’, *ви`з`öд* ‘смотри’. Коми-пермяцким диалектам и коми-зырянскому наречию в данном случае характерен глухой *т*: *пэ`мыт*, *вöсн`ит*, *кокн`ит* и др.

3. Одним из дифференцирующих признаков коми диалектов в области фонетики является корреспонденция *д` // йд`*; *т` // йт`* в конце корневой морфемы. Исследуемый идиом наряду с коми-пермяцкими и южными коми-зырянскими диалектами по данному признаку относится к так называемому *т`*, *д`* типу диалектов: *н`ат`* ‘грязь’, *кват`* ‘шесть’, *сад`* ‘сознание, память’,

бад' 'ива' и др. Однако, так же, как и в южных зырянских диалектах, в нескольких случаях наблюдается произношение консонантного сочетания *йд*: *майдо́г* 'мыло' (ср. южн. кз. *ма́йдо́г*, кп. *ма́т'е́г*), *войдо́рлун* 'позавчера' (ср. южн. кз. *войдо́рлун* / *войдорлун*, кп. *од'о́рлун*).

4. В коми диалектах в абсолютном начале слова в позиции перед гласными переднего ряда *э*, *и* наблюдается явление смягчения заднеязычных согласных *к*, *г* и их переход в смычные палатальные *т'*, *д'*. Данное фонетическое явление в полной мере характерно для одних коми идиомов, отсутствует в других, в третьих наблюдается варьирование *к* ~ *т'*, *г* ~ *д'*. Язык кировских пермяков относится к третьему типу. В нем широко представлен переход *к* > *т'* (*т'э́рка* 'дом', *т'э́пы с'* 'рукавицы', *т'и́* 'рука', *т'ин* 'кто'; реже *кэ́рка*, *ки*, *кэ́пы с'*, *кин*) и редко – *г* > *д'* (*ги́жны* 'писать', *гэ́з* 'веревка'). Лишь в одном из говоров (д. Авериного) нами замечен регулярный переход *к* > *т'* и *г* > *д'*: *т'э́пы с'* 'рукавицы', *т'и́* 'рука', *д'э́з* 'веревка', *д'и́жны* 'писать'.

5. Для языка кировских пермяков не характерны сочетания *ст*, *с'т*, *шт* в конце слова и середине слова перед согласными, наблюдаемые в ряде коми-зырянских диалектов, в этих позициях наблюдается выпадение согласного *т*: *р'акóсны* 'крикнуть', *бос'ны* 'взять', *бос'* 'возьми', *вэшты́шны* 'подвинуть'. В положении перед гласными *т* восстанавливается: *у з'ышта* '(я) посплю немного', *бо с'тин* '(ты) взял'. Аналогичное фонетическое явление характерно также для коми-пермяцких и южных зырянских диалектов.

6. В исследуемом наречии аффрикаты *дз*, *дж*, *тш* в ряде случаев субституировались соответствующими фрикативными согласными *з'*, *ж*, *ш*: *л'э́ з'ны* 'отпустить' < *л'эдзны*, *жо́ж* 'пол' < *джодж*, *го́ртöз'* 'до дому' < *гортöдз*, *н'э́ шкыны* 'рвать' < *н'э́тшкыны* и др. Процесс деаффрикатизации, который наблюдался в позиции ин- и ауслаута уже в прапермском языке (Кельмаков, 1987: 35; Некрасова, 2000: 107), затронул в разной мере все коми диалекты; в языке кировских пермяков он представлен наиболее широко.

7. В речи многих носителей в некоторых исконных словах перед гласной *э* отмечается протетический *й*: *йэм* < *эм* 'есть, имеется', *йэн* < *эн* 'ты не...', *йэг* < *эг* 'я не...', *йэ́ нöлтисö* 'оставили'. Данное явление характерно также для коми-пермяцких и коми-язьвинских говоров и не свойственно коми-зырянским (даже южным) диалектам (Некрасова, 2001: 114).

В то же время слова, бытующие в коми диалектах с анлаутным *й*, в исследуемых говорах часто произносятся без него: *эн* 'бог' (ср. кз. кп. *йэн*), *эл'дöг* 'груздь' (ср. кз. кп. *йэл'дöг*), *э́ жыд* 'белый' (ср. кз. *йэджыд*), *и́ рны* 'грызть' (ср. кз. кп. *йирны*). Выпадение *й* перед гласной *э* характерно только для языка кировских пермяков: *эн* 'бог', *эл'дöг* 'груздь', *э́ жыд* 'белый'. Отпадение фонемы *й* в анлауте перед фонемой *и* (реже *ы*) имеет общекоми характер, различия в диалектах наблюдаются в количестве основ с отпадением анлаутного *й* (Некрасова, 2001: 113). Так, выпадение начального *й* в слове *ирны* 'грызть' отмечено также в лузско-летском и удорском диалектах (КСК I: 591).

8. Верхнекамскому наречию характерно смягчение анлаутного *л* перед гласным *э*: *л'э́ чыд* 'острый', *л'э́ з'ны* 'отпустить', *л'э́ бны* 'лететь', *л'э́ ччыны* 'спускаться'. Данное явление в целом не характерно для других коми диалектов (зырянских и пермяцких), хотя единичные случаи смягчения зафиксированы в некоторых коми-зырянских говорах: сс. (Ч.) *л'э́ бны* 'лететь'; нв. *л'э́ч* 'силки', иж. *л'э́стооны* 'точить, оттачивать' (ССКЗД: 210).

10. Некоторым верхнекамским говорам (д. Порубово, д. Московская, д. Мироново) характерно явление выпадения звука *л* из состава глагольных суффиксов *-ал*, *-л* в формах прошедшего времени 1-го и 3-го л. ед. и мн. ч.: *ви́ с'таи* < *ви́ с'тали* 'сказал', *га́ жаисö* 'хотели', *пы́ ртаимö* 'заносили', *с'э́ раис* 'смеялся', *у́ жаисö* 'работали', *мы́ с'каисö* 'мыли'. Данное явление имеет место в верхнесысольском, среднесысольском диалектах коми языка (Жилина, 1975: 52; Колегова, Бараксанов, 1980: 16) и некоторых коми-пермяцких говорах (Баталова, 1975: 47).

II. Морфологические особенности, маркирующие язык кировских пермяков

1. Показателем множественного числа в рассматриваемых говорах является суффикс *-йас*: *о`иййас, кои`нйас* *вэ`тлõны а`рйасын* ‘медведи, волки ходят осенью’; *ээ`зйас кы`йасõ* *зо`нйас, качу`л`аййас лõ`с`õдасõ* ‘веревки свяжут парни, качели сделают’. В отношении употребления отмеченного показателя множественности верхнекамское наречие примыкает к коми-зырянскому диалектному ареалу.

2. Грамматическая категория притяжательности в языке кировских пермяков представлена лишь двумя формами из шести: 2-го и 3-го л. ед. ч.: *-ыд* и *-ыс*. Суффикс 1-го л. ед. ч. и суффиксы коллективного обладания на *-н* не употребляются. В этом отношении язык кировских пермяков обнаруживает сходство с южными зырянскими диалектами (лузским говором и верхнесыольским диалектом, отчасти с среднесыольским диалектом, в ряде говоров которого коллективные формы на *-н* также вытеснены из речи).

3. Падежная система верхнекамского наречия представлена 17 формами. Такое же количество падежных форм характерно для южных зырянских и коми-пермяцких диалектов. Однако в ряде пермяцких говоров наблюдается увеличение количества падежей в связи с развитием системы внешнеместных и приблизительно-местных падежей за счет перехода отдельных послелогов в падежные суффиксы (Баталова, 1975: 129). Следует отметить, что в языке кировских пермяков послелог с основой *выл-* употребляется в усеченной форме, с опущением начального *в-*: *пыза`н ылõ* ‘на стол’; *мый ылын* ‘на чем; *жуг ылас* ‘на мякине; *ай ылõ* ‘на отца’; *фэрма ы`лыс* ‘с фермы’. Возможно, это свидетельствует о начале процесса трансформации послелогов с основой *выл-* в падежные форманты.

4. Суперлатив прилагательных образуется аналитическим способом посредством заимствованной из русского языка частицы *самõй*: *о`з`жык Пасха самõй ы`жыд пра`з`н`ик вõлин* ‘раньше Пасха была самым большим праздником’; *самõй гы`рыс* ‘самый крупный’. Исконные способы образования суперлатива посредством приставки *мэд-* и частицы *мэдс`а*, широко бытующие в зырянских диалектах, в наречии не зафиксированы.

5. Степень неполноты качества в наречии в основном передается суффиксом *-сор / -сора*. Примеры: *ул`со`р* ‘сыроватый’, *пэнжа`к ичõто`р вõлин* ‘пиджак маловат был’, *гõрдыдсо`р* ‘красноватый’, *чõскыдсо`р* ‘сладковатый’, *ичõтсо`ра* ‘маловатый’, *куз`со`ра* ‘длинноватый’. Отмеченные умеренные формы обнаруживают сходство с широко употребительными в коми (пермяцких и зырянских) диалектах формами типа: *лõзсора* ‘с примесью синего (цвета)’, *гõрдсора* ‘с примесью красного (цвета)’, *ульсора* ‘с примесью сырого’, образованных от прилагательного в основной форме посредством суффиксоида *-сора* ‘с примесью, смешанный’. Возможно, в верхнекамском наречии общекоми суффиксоид *сор / сора* ‘с примесью, смешанный’ трансформировался в умеренный суффикс.

Для наречия характерен также умеренный суффикс *-гõм*: *эта`мында куз`гõ`м* ‘вот на столько длинноватый’; *солагõ`м* ‘чуть пересоленный’; *ыжыдгõ`м, ичõджджыкõс бы колõ* ‘большеватый, поменьше бы надо’, *ичõтгõ`м пал`то`ыс* ‘пальто маловато’. Данный формант зафиксирован также в ряде коми-зырянских диалектов, но наиболее активно функционирует в лузско-летском. Изоглосса суффикса *-гõм // -гэм* имеет продолжение на территории удмуртских диалектов.

6. В парадигме склонения личных местоимений наличествует специфическая аккузативная форма 3-го л. ед. ч.: *э`вõ / йэ`вõ*. Данная форма является русским местоимением, заимствованным в форме аккузатива < рус. *его*. Примеры: *э`вõ ужэ`армийаõ бо`с`тисõ* ‘его уже в армию забрали’; *н`э`тикамõй ми э`вõ* ‘рвем мы его’; *до`войны э`вõ жу`гõдисõ* ‘до войны её разрушили’. Аналогичная форма, закрепившаяся в парадигме склонения местоимения 3-го л. ед. ч. в качестве основы, характерна и для верхнесыольского диалекта (Жилина, 1975: 102–103).

7. Глагольные формы 2-го л. мн. ч. утвердительного спряжения настоящего / будущего и I прошедшего времен в исследуемом идиоме образованы с помощью *н-*овых суффиксов *-анõ*

(наст. буд.), *-инö* (прош.): *мый дырна эшö о`ланö татöн?* ‘как долго (вы) еще пробудете здесь?’; *ти йу`рбитанö?* ‘вы молитесь?’; *кыз`нö шэ`динö таччö?* ‘как (вы) попали сюда?’; *ы`лыс`-ö та лун ло`ктинö?* ‘издалека ли сегодня (вы) приехали?’. *Н*-овые глагольные суффиксы в отмеченных формах характерны для коми-зырянских диалектов: *-аныд / -анныд, -иныд / -инныд*. Абсолютно тождественные формы обнаруживаем лишь в мысовско-лупьинском диалекте коми-пермяцкого языка: наст. *ги`жанö* ‘вы пишете’, *кэ`ранö* ‘вы делаете’; прош. *му`нинö* ‘вы ушли’, *пы`ринö* ‘вы зашли’ (Баталова, 1975: 183; Пономарева, 2002: 133); во всех остальных коми-пермяцких диалектах в данном случае бытуют *т*-овые формы: наст., буд. *-атö* (*мунатö*), прош. *-итö* (*мунитö*). Похожие формы зафиксированы в ряде среднесысольских говоров: *-аны, -анны* в настоящем и *-ины, -инны* в прошедшем времени (Колегова, Бараксанов, 1980: 49–51).

8. Формы 2-го л. мн. ч. отрицательного спряжения в настоящем / будущем и I прошедшем временах образуются посредством *н*-ового отрицательного глагола: *он мунö* ‘вы не идете / пойдете’, *эн мунö* ‘вы не ушли’. В этом отношении верхнекамское наречие примыкает к коми-зырянскому диалектному ареалу; в коми-пермяцких диалектах и летском говоре лузско-летского диалекта отрицательные глаголы 2-го л. мн. ч. имеют в основе согласный *д*: *од(ö), эд(ö)*.

9. Оптативное (желательное) значение выражают глаголы в связке с частицей *мэд* ‘пусть’: *ачы`ныс мэд вö`чöны* ‘сами (они) пусть делают’; *мэд н`иа йу`öнö* ‘пусть они пьют,’; *мэд са ой у`з`ас сича`н`ын, мэд са пö`жс`ö* ‘пусть он переночует там, пусть настоится’ – коми-зырянская черта, в коми-пермяцких диалектах частице *мэд* соответствует лексема *ас* ‘пусть’.

	Маркеры языка кировских пермяков	Определяющие признаки		
		южных коми-зырянских диалектов	коми-пермяцких диалектов	
			северных	южных
Фонетические				
11	<i>ы</i> перед и после мягкого согласного <i>с'</i>	+	–	–
22	соответствие анлаутному сочетанию во-коми-зырянских диалектов гласной <i>о</i>	+ –	+	+
3	эловый тип говора	+	+	+ –
44	употребление в ауслауте суффиксальной морфемы звонкого согласного <i>д</i>	+	–	–
55	<i>т', д'</i> в конце корневой морфемы	+	+	+
66	протетический <i>й</i> перед гласной <i>э</i>	–	+	+
77	смягчение анлаутного <i>л</i> перед гласным <i>э</i>	+ –	–	–
Морфологические				
88	субстантивный показатель мн. ч. <i>-йас</i>	+	–	–
99	дефектная парадигма категории притяжательности (формы 2-го и 3-го л. ед. ч.)	+	–	–
110	отсутствие исконных способов образования суперлатива прилагательных посредством приставки <i>мэд-</i> и частицы <i>мэдс'а</i>	–	+	+
111	модеративный суффикс прилагательных <i>-сор / -сора</i>	–	–	–
112	модеративный суффикс <i>-гöм</i>	+ –	–	–
113	выражение оптативного значения глаголом в связке с частицей <i>мэд</i>	+	–	–
114	<i>н</i> -овые формы глаголов 2-го л. мн. ч. утвердительного спряжения в наст. / буд. и прош. вр.	+	+ –	–
115	<i>н</i> -овые отрицательные глаголы 2-го л. мн. ч. в наст. / буд. и прош. вр.	+	–	–
16	деепричастия на <i>-иг</i>	+	–	–

10. Деепричастия в спонтанной речи встречаются очень редко. Методом элицитации удалось выявить формы на *-игын, -игйа, -игö*, присущие также коми-зырянским диалектам:

зэри г'яа 'во время дождя'; *шонди пукс'и г'яа* 'во время захода солнца', *кэркао пыри г'ын* 'заходя домой', *пыри г'ынас мы тшас'и* 'заходя стукнулся', *мэ чэ ччи шонди пэти г'о* 'я встал с восходом солнца'. Для коми-пермяцкого ареала характерен деепричастный суффикс *-ик, -икö*, и лишь в крайнем мысовско-лупьинском диалекте, пограничном с верхневычегодским зырянским, зафиксированы формы на *-иг, -игö*.

В вышеприведенной таблице маркирующие признаки языка Кировских пермяков сопоставлены с характеристиками южных-зырянских и коми-пермяцких (северных и южных) диалектов: знаком «+» / «-» отмечено наличие / отсутствие признака в отмеченном ареале, знак «+» означает, что признак характерен лишь для части говоров / диалектов указанного ареала.

Рассмотренные выше фонетические и морфологические маркеры верхнекамского наречия являются релевантными при определении специфики и места данного идиома среди других коми диалектов. Сопоставление этих черт с языковыми особенностями территориально близких диалектов демонстрирует наибольшее сходство языка Кировских пермяков с южными зырянскими диалектами (п. 1, 4, 7–9, 12–16). Языковые черты наречия, совпадающие с особенностями коми-пермяцких диалектов, как правило, имеют место и в южных зырянских (верхнесысольском и лузско-летском) диалектах. Общность языка Кировских пермяков и коми-зырянских диалектов подтверждается и данными лексики (Федосеева, 2015).

Функционируя и развиваясь в течение нескольких веков в условиях изолированности и сильного иноязычного воздействия, язык Кировских пермяков приобрел целый ряд специфических особенностей, вместе с тем он сохранил основу, обнаруживающую наибольшее сходство с южными коми-зырянскими диалектами (большой частью с верхнесысольским).

Список сокращений

Диалекты и говоры коми языка: **вв.** – верхневычегодский; **вс.** – верхнесысольский; **кз.** – коми-зырянские; **кп.** – коми-пермяцкие; **нв.** – нижневычегодский; **сс.** – среднесысольский; **уд.** – удорский; **Ч.** – говор с. Чухлэм; **южн. кз.** – южные коми-зырянские.

Список литературы

- Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975.
Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). М., 1982.
Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск, 1989.
Жеребцов И. Л., Рожкин Е. Н. Этнодемографические процессы в Коми крае (XI – начало XX века). Сыктывкар, 2005.
Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.
Жилина Т. И. Верхнесысольский диалект коми языка. М., 1975.
Кельмаков В. К. Прапермские аффрикаты в современных удмуртских диалектах // Советское финно-угроведение. 1987. № 1. С. 34–44.
Колегова Н. А., Бараксанов Г. Г. Среднесысольский диалект коми языка. М., 1980.
КСК I – Коми сёрнисикас кывчукёр. Словарь диалектов коми языка: в 2 т. Сыктывкар, 2014. Т. 1.
Лашук Л. П. Формирование народности коми. М., 1972.
Лыткин В. И. Историческая грамматика коми языка. Ч. I. Введение. Фонетика. Сыктывкар, 1957.
Некрасова Г. А. Функционирование прапермских аффрикат в современных коми диалектах // Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов. Ижевск, 2000. С. 135–139.
Некрасова Г. А. К вопросу о статусе вариативных форм эгрессива и инструменталю в диалектах коми языка // Пермистика-8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар, 2001. С. 197–203.
Пономарева Л. Г. Фонетика и морфология мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2002.
Сажина С. А. Особенности морфологии верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка // Филологические исследования-2014. Источники, их анализ и интерпретация в филологических науках. Сыктывкар, 2014. С. 181–185.

Сажина С. А. Функционирование языка кировских пермяков в условиях межъязыкового взаимодействия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 3, Ч. 2. С. 172–174.

Сажина С. А. Язык кировских пермяков: к проблеме генезиса // Вопросы финно-угорской филологии. Сыктывкар, 2014. С. 130–136.

Сажина С. А. Особенности консонантизма верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка // Современное удмуртоведение в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков. Ижевск-Будапешт, 2015. С. 449–454. ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

Федосеева Е. Н. Лексические заимствования в словарном составе языка верхнекамских коми // Ашмаринские чтения: материалы всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2008. С. 188–192.

Федосеева Е. Н. Лексические особенности языка кировских пермяков // Пермистика XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Ижевск, 2008. С. 338–342.

Федосеева Е. Н. К вопросу о месте верхнекамского наречия в системе коми языков (на материале лексики) // Материалы XXXIX Междунар. филол. конф. 15–20 марта 2010 г. Уралистика. СПб., 2010. С. 88–93.

Федосеева Е. Н. Общее и частное в лексике верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка // Современное удмуртоведение в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков. Ижевск-Будапешт, 2015. С. 505–511.

Чебоксаров Н. Н. Этногенез коми по данным антропологии // Советская этнография. 1946. № 2. С. 56–67.

Сажина С. А., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН.

Ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, Республика Коми, Россия, 167982.

E-mail: sazinass@rambler.ru

Материал поступил 12.04.2016

Sazhina S. A.

PHONETIC AND MORPHOLOGICAL MARKERS OF THE LANGUAGE OF THE KIROV PERMIANS

In dialect space of the Komi language the dialect of the Kirov Permians which formation occurred in conditions of isolation from the basic area of distribution of the Komi dialects and strong influence of the surrounding Russian dialects, occupies a special place. The actual problem of the Komi dialectology is revealing of the basis and place of the given territorial-language version in the dialect continuum of the Komi language. The phonetic and morphological markers of the language of the Kirov Permians are considered, the analysis and comparison to language lines of the territorially close Zyryan and Permian dialects are of great importance for the solution of the given problem. The research is based on the materials collected by the author during several expeditions to the area of residing of the Kirov Permians in period from 2002 to 2012.

Key words: *the Komi language, the Komi-Permian language, Kirov Permians, phonetics, morphology, linguistic markers.*

References

- Batalova R. M. *Komi-permyatskaya dialektologiya* [Komi-Perm dialectology]. Moscow, 1975 (in Russian).
Batalova R. M. *Areal'nye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam (komi yazyki)* [Areal studies on the eastern Finno-Ugric languages (Komi languages)]. Moscow, 1982 (in Russian).
Goldina R. D., Kananin V. A. *Srednevekoveye pamyatniki verkhov'yev Kamy* [Medieval monuments of the upper reaches of the Kama River]. Sverdlovsk, 1989 (in Russian).
Zherebcov I. L., Rozhkin E. N. *Etnodemograficheskiye processy v Komi krae (XI – nachalo XX veka)* [Ethnodemographic processes in the Komi region (XIX – early XX century)]. Syktyvkar, 2005 (in Russian).
Zherebtsov L. N. *Istoriko-kul'turnye vzaimootnosheniya komi s sosednimi narodami* [Historical and cultural relations of the Komi people from neighboring nations]. Moscow, 1982 (in Russian).
Zhilina T. I. *Verkhnesysol'skiy dialekt komi yazyka* [Upper Sysola dialect of the Komi language]. Moscow, 1975 (in Russian).

- Kel'makov V. K. Prapermskiye affrikaty v sovremennykh udmurtskikh dialektakh [Proto-permic affricates in modern Udmurt dialects]. *Sovetskoe finno-ugrovedeniye – Soviet Finno-Ugric*, 1987, no. 4, pp. 34–44 (in Russian).
- Kolegova N. A., Baraksanov G. G. *Srednesysol'skiy dialekt komi yazyka* [Middle Sysola dialect of the Komi language]. Moscow, 1980 (in Russian).
- KSK I – *Komi sjomisikas kyvchukör. Slovar' dialektov komi yazyka: v 2 t.* [Dictionary Komi language dialects: in 2 volumes]. Syktyvkar, 2014. Vol. 1 (in Russian).
- Lashuk L. P. *Formirovaniye narodnosti komi* [Formation of the Komi people]. Moscow, 1972 (in Russian).
- Lytkin V. I. *Istoricheskaya grammatika komi yazyka. Ch. I. Vvedeniye. Fonetika* [Historical grammar of the Komi language. Part I. Introduction. Phonetics]. Syktyvkar, 1957 (in Russian).
- Nekrasova G. A. Funktsionirovaniye prapermskikh affrikat v sovremennykh komi dialektakh [Functioning of parent-Permian affricates in modern Komi dialects]. *Permistika 6: Problemy sinkhronii i diakhronii permskikh yazykov i ikh dialektov* [Permistika 6: Problems of synchrony and diachrony Permian languages and their dialects]. Izhevsk, 2000. Pp. 135–139 (in Russian).
- Nekrasova G. A. K voprosu o statuse variativnykh form egressiva i instrumental'nykh v dialektakh komi yazyka [To the problem on the status of variative forms of egressive and instrumental in dialects of the Komi-Zyryan language]. *Permistika-8: Dialekty i istoriya permskikh yazykov vo vzaimodeystvii s drugimi yazykami* [Permistika-8: Dialects and the history of the Permian languages in cooperation with other languages]. Syktyvkar, 2001. Pp. 197–203 (in Russian).
- Ponomaryeva L. G. *Fonetika i morfologiya mysy-lupjinskogo dialekta komi-permyatskogo yazyka*: Dis. kand. filol. nauk [Phonetics and morphology Mysy-Lupja dialect Komi-Perm language. Thesis of cand. philol. sci.]. Izhevsk, 2002.
- Sazhina S. A. Osobennosti morfologii verkhnekamskogo narechiya komi-permyatskogo yazyka [Morphological peculiarities of the Upper-Kama dialect of the Komi-Permian language]. *Filologicheskiye issledovaniya-2014. Istochniki, ikh analiz i interpretatsiya v filologicheskikh naukah* [Philological studie-2014. Sources, their analysis and interpretation in philological sciences]. Syktyvkar, 2014. Pp. 181–185 (in Russian).
- Sazhina S. A. Funktsionirovaniye yazyka kirovskikh permyakov v usloviyakh mezhyazykovogo vzaimodeystviya [Language functioning of Kirov inhabitants of Perm in conditions of interlanguage interaction]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2014, no. 3, ch. 2, pp. 172–174 (in Russian).
- Sazhina S. A. Yazyk kirovskikh permyakov: k probleme genezisa [Language of the Kirov Permians: to the problem of the genesis]. *Voprosy finno-ugorskoj filologii* [Questions Finno-Ugric philology]. Syktyvkar, 2014. Pp. 130–136 (in Russian).
- Sazhina S. A. Osobennosti konsonantizma verkhnekamskogo narechiya komi-permyatskogo yazyka [Peculiarities of consonantism of the Upper-Kama dialect of the Komi-Permian language]. *Sovremennoe udmurtovedeniye v kontekste komparativistiki, kontaktologii i tipologii yazykov* [Modern Udmurtica in the context of comparative, contactology and language typology]. Izhevsk-Budapesht, 2015. Pp. 449–454 (in Russian).
- SSKZD – *Sravnitel'nyy slovar' komi-zyryanskikh dialektov* [Comparative Dictionary the Komi-Zyryan dialects]. Syktyvkar, 1961 (in Russian).
- Fedoseeva E. N. Leksicheskiye zaimstvovaniya v slovarnom sostave yazyka verkhnekamskikh komi [Lexical borrowings in the vocabulary of the language of the Upper-Kama komi]. *Ashmarinskiye chteniya. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Ashmarin reading. Materials of All-Russian scientific-practical conference]. Cheboksary, 2008. Pp. 188–192 (in Russian).
- Fedoseeva E. N. Leksicheskiye osobennosti yazyka kirovskikh permyakov [Lexical features of the language of the Kirov Permians]. *Permistika XII: Dialekty i istoriya permskikh yazykov vo vzaimodeystvii s drugimi yazykami* [Permistika XII: Dialects and the history of the Permian languages in cooperation with other languages]. Izhevsk, 2008. Pp. 338–342 (in Russian).
- Fedoseeva E. N. K voprosu o meste verkhnekamskogo narechiya v sisteme komi yazykov (na materiale leksiki) [To a question about the place Upper-Kama dialect in the system Komi languages (lexical material)]. *Materialy XXXIX Mezhdunarodnoy filologicheskoy konferentsii 15–20 marta 2010 g. Uralistika* [Materials XXXIX International philological conference on March 15–20 2010 Uralic]. St. Petersburg, 2010. Pp. 88–93 (in Russian).
- Fedoseeva E. N. Obshchee i chastnoe v leksike verkhnekamskogo narechiya komi-permyatskogo yazyka [General and particular in vocabulary of the Upper-Kama dialect of the Komi-Permian language]. *Sovremennoe udmurtovedeniye v kontekste komparativistiki, kontaktologii i tipologii yazykov* [Modern Udmurtica in the context of comparative, contactology and language typology]. Izhevsk-Budapesht, 2015. Pp. 505–511 (in Russian).
- Cheboksarov N. N. Etnogenez komi po dannym antropologii [Ethnogenesis Komi anthropological data]. *Sovetskaya etnografiya – Soviet ethnography*, 1946, no. 2, pp. 56–67 (in Russian).

Sazhina S. A.

Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS.

Ul. Kommunisticheskaya, 26, Syktyvkar, Komi Republic, Russia, 167982.

E-mail: sazinass@rambler.ru